

VIII Значимость и понимание прав человека в мышлении восточных и западных церквей: имеется ли противоречие между свободой и моралью?

Артемов В. М.

доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Актуализация и значимость проблемы прав человека в известном смысле сближают Восток и Запад, хотя имеются различные, даже противоположные подходы в понимании и объяснении основ и содержания самих этих прав. Свои варианты решения проблемы предлагают и соответствующие церкви (на Западе – это, прежде всего, католическая церковь и протестантские религиозные организации; в России – Русская Православная Церковь), традиционно претендующие на монополию в духовном служении верующим, а через них всему обществу и государству. Их сравнительный анализ и хотя бы общее нравственно-философское осмысление – важный элемент общей системы диалога мировоззрений. Указанные религиозные организации в действительности могли бы сыграть роль медиатора в плане согласования интересов различных социальных групп и отдельных личностей в современном социуме.

Какова же реальная ситуация сегодня? Одной из примет времени является своеобразная ситуация, когда в условиях «постсекулярности» происходит «всемирное оживление религии». Отмечая данное обстоятельство, Ю.Хабермас справедливо ставит «нормативный вопрос, а именно: как нам понимать нашу роль как членов постсекулярного общества и чего нам ожидать друг от друга, чтобы в исторически прочно сложившихся

формированиях наших национальных государств обеспечить цивилизованное обращение граждан друг с другом в условиях культурного и мировоззренческого плюрализма?».¹

При этом нельзя забывать об известном диагнозе современной веры, который дал Э. Фромм: «Мы свидетели (даже несмотря на некоторые исключения) возврата к идолопоклонному пониманию Бога и превращения любви к Богу в нечто, соответствующее структуре отчужденного характера».² В этой связи следует обратить внимание на неоднозначность статистических данных относительно верующих в нашей стране. Имеет место явное преувеличение количества сторонников православия и других религий. Даже с точки зрения здравого смысла трудно представить скачок примерно в десять раз (сами верующие говорят о таинственном «чуде»), тем более, если учесть сугубо светский характер общественного сознания на протяжении более чем семи десятилетий.³

Налицо и глобальные вызовы, явное обострение борьбы между цивилизациями. Можно, в частности, согласиться с мнением С. Хаттингтона, которое он высказал в работе «Столкновение цивилизаций». Там утверждается, что «народы и правительства незападных цивилизаций ... наряду с Западом начинают сами двигать и творить историю».⁴ По-видимому, такое положение дел не всем нравится на самом Западе.

Всё это требует огромной осторожности и ответственности со стороны самых разных участников

1 Хабермас Юрген «Постсекулярное» общество – что это?// Российская философская газета. № 4 {18} апрель 2008. С. 1–2.

2 Фромм Эрих. Искусство любви (Исследование природы любви). Выпуск второй. – М.: Знание, 1991. С. 37.

3 В одном из серьёзных изданий, к примеру, делается вывод о том, что к концу 70–х годов XX столетия «число активных верующих не превышало 8–10 процентов взрослого населения Советского Союза». – См.: Христианство и Русь. Сборник статей. М.: Наука, 1988. С. 123.

4 См.: Полис <http://www.politstudies.ru>, 1994. № 1. С. 48.

напряжённых политико-правовых и духовно-идеологических споров внутри цивилизаций и между ними. Ведь мир, в конечном счёте, заинтересован в продуманных и согласованных действиях в направлении нравственного оздоровления. Думается, что конструктивная дискуссия на «Второй неделе российского права» в Потсдаме призвана продемонстрировать наиболее приемлемый вариант ожидаемого мировым сообществом диалога. Особо хочется подчеркнуть своего рода спасительную миссию философии. Именно она способна подняться, что называется «над схваткой», обеспечить общее, своего рода нейтральное поле, на котором только ивозможен мировоззренческий и политико-правовой диалог.

Что касается собственно церковей, то споры между представителями западной и православной религиозных традиций особенно активизировались после принятия «Основ социальной концепции РПЦ» (2000) и «Основ учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека» (2008). В целом стороны исходят из того, что к их мнению внимательно прислушиваются и общественность, и власть соответствующих государств. Данное обстоятельство определяет высокую меру ответственности самих церковей и их конкретных представителей.

Вместе с тем, несмотря на общий примирительный тон, налицо достаточно существенные расхождения как собственно религиозного, так и философского свойства. Так, «Сообщество евангелических церковей Европы» прямо указывая на «двусмысленность понятия о правах человека» в позиции РПЦ, полагает, что последняя претендует на «исключительное право богословского обоснования», вместо того, чтобы «всерьез воспринять секулярный характер прав человека».⁵ Здесь есть основания в целом согласиться с подобной оценкой. Так, весьма спорным представляется следующее мнение одного из официальных представителей РПЦ В. Чаплина: «Похоже, у нас есть только три реальных «партии» – православных, мусульман и неверующих.

5 См.: <http://bogoslav.ru/text/477777.html>.

И именно они будут определять будущее российской политики ...». При этом, оказывается, у «первых двух – немало активных членов и во многом общие нравственные и социальные ценности. У третьей – много денег ...».⁶ Во-первых, у людей науки и светского образования денег не так уж и много; во-вторых, религия – это мировоззрение. У политики же есть своя специфика, предполагающая борьбу за власть. Исторический опыт, в – третьих, позволяет предположить, какую линию может проводить победившая религиозная «партия».

Тем не менее, у представителей церкви Востока и Запада имеются и важные точки соприкосновения. Об этом свидетельствует, к примеру, совместное православно-лютеранское коммюнике 2008 года, где точка зрения, согласно которой в основе Декларации прав человека «заложена идея, что права человека не могут быть абсолютной мерой, а должны согласовываться с рядом параметров»,⁷ разделяется обоими партнерами по диалогу. Представляется, что в качестве «абсолютной меры» в действительности выступает духовно-нравственный фундамент, трактуемый в данном случае с точки зрения веры.

Абстрагируясь от собственно религиозного содержания, даже со светских позиций можно согласиться со следующим положением «Основ учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека»: «Общественная ценность и эффективность всей системы прав человека зависят от того, насколько она создает условия для возрастания личности ... в достоинстве и сопрягается с ответственностью человека за свои поступки ...».⁸ Здесь просматриваются укорененные в русской культуре и философии практически-нравственная ориентация и линия на максимальное сближение нравственности и свободы. Речь идёт о противостоянии сугубо внешнему пониманию свободы, когда по существу всё сво-

6 См.: <http://go.mail.ru/search/> (дата обращения 03.05.2012 г.).

7 Митрополит КИРИЛЛ. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. – М., 2008. С. 176.

8 См.: <http://www.mospat.ru/ru/documents/dignity-freedom-rights/iv/>.

дится к неким гарантиям со стороны правовых институтов общества и государства. В этой связи уместно вспомнить социологический «диагноз» А.А. Зиновьева: «Западное общество превратилось в общество правового тоталитаризма ...».⁹

С точки зрения русской культуры и философии, только на базе высокой нравственности можно ставить и решать проблемы сугубо правового порядка, включая проблему прав человека. Православная ветвь христианства тяготеет именно к такому подходу. Согласно традиционным представлениям, в православии человек вполне человек, если он изначально «пропитан» Святым Духом, а в католицизме личность есть отношение. Е.Н. Трубецкой пишет: «Христос сочетается с человечеством непосредственно ... Осуществление предвечного божественного замысла для твари, существующей и развивающейся во времени, не есть роковая необходимость, а призвание, которое она может исполнить или не исполнить».¹⁰

Для православия характерна позиция, согласно которой в центре внимания должны находиться внутренние качества человека. Данные высшей духовной силой, последние требуют постоянного, так сказать, личностного и соборного культивирования. Идея соборности, выдвинутая и обоснованная славянофилом А.С. Хомяковым, предполагает приоритет целого над частями. Но речь идёт о таком целом, которое внутренним образом обеспечивает устойчивую сохранность части (личности), даёт ей жизнь, духовно-нравственную силу, подпитывает достоинство. «Истина, недоступная для отдельного мышления, – пишет А.С. Хомяков, – доступна только совокупности мышлений, связанных любовью».¹¹

9 Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М., 2006. С. 340.

10 Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 2000. С. 155, 159.

11 Цит. по: Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч. I. – Л., 1991. С. 206.

Западнический же вариант решения проблемы в основном тяготеет именно к правам человека, обрётённым людьми в их взаимных отношениях и социальной борьбе. Правда, и в западной культуре также просматривается линия приоритетности целого над частями. Так, Фома Аквинский утверждал: «Соответственно как благо одного человека не является конечной целью, но подлинно общему благу, так и благо одного дома подчинено благу одного государства, которое есть совершенное сообщество».¹²

Нельзя не отметить и некоторые трудности, которые мешают спасительному диалогу в современном обществе. Так, встречаются элементы религиозного высокомерия по отношению к тем, кто имеет иные, даже гуманистические взгляды. На Западе подобные претензии встречают оправданное сопротивление. Например, У. Эко, ссылаясь на «Этику» Б. Спинозы, подчёркивает, что «...спинозовское божество ... не трансцендентно и не лично ... из представления о великой и единой космической субстанции ... родится представление о терпимости и благожелательности ...».¹³ Именно эти последние ценности зачастую оказываются в большом дефиците в отношениях, с одной стороны, между верующими, особенно представителями церкви; и, с другой стороны, – светскими людьми, особенно атеистами.

Отсутствие же или минимизация указанной терпимости и уважения к носителям иных идей по существу подталкивают к возврату в «новое» средневековье, что само по себе губительно. В настоящее время претензии на духовное лидерство в масштабах всего общества только на основании традиционной религиозной принадлежности в принципе не может быть оправдано. Причём, не только с позиций неверующих и атеистов. Вера как таковая тоже не предполагает какого-либо внешнего (политического или идеологического) авто-

12 Фома Аквинский. Сумма теологии // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. II. С. 583.

13 Эко, Умберто. Пять эссе на темы этики. – СПб., 2007. С. 20–21.

ритета, если он инициируется заинтересованными в чём-то людьми.

Важно последовательно реализовывать принцип свободы совести. Слишком тесные взаимные объятия государства и церкви вредны для обоих, а главное – для социума. Данная опасность, правда, на уровне общей декларации в принципе пресекается ныне действующей Конституцией РФ. В первую очередь речь идёт о том, что, как утверждается в статье 14, «1. РФ – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Имеется явная и в целом оправданная преемственность по отношению к подобным политико-правовым документам, принятым в нашей стране в советский период. При всех его издержках религия и церковь не запрещались на правовом уровне.

Подход к указанному периоду должен быть максимально корректным и дифференцированным. Идеологически одностороннее изображение собственного прошлого, к которому имеет прямое отношение значительная часть населения страны, является показателем духовно-теоретической слабости, а не силы. Определённый интерес в этом плане представляет анализ П.А. Сорокина ситуации конца 1920-годов, когда «разрушительная оргия стала стихать и постепенно сменилась конструктивной перестройкой и созданием новых ценностей».¹⁴ Более того, размышляя уже во второй половине 60-х годов о «существенно важных чертах русской нации в двадцатом веке», известный социолог подчёркивает: «Все великие ценности дореволюционной России во всех сферах культурного творчества ... были восстановлены и теперь превозносятся даже больше, чем до революции. Многие творческие деятели Киевской Руси и царской России в области религии ..., этики, права ... теперь прославляются как руководители

14 Пителир Сорокин. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. – М., 1994. С. 36.

и творцы бессмертных ценностей».¹⁵ Налицо пример объективно взвешенной оценки недавнего прошлого.

Однако в настоящее время усиливаются попытки различных религиозных организаций и отдельных церковных деятелей навязать общественному мнению своё понимание актуальных проблем современности. При этом подчас игнорируется или искажаются собственно научные их решения. С точки зрения моральной философии и аксиологии нет никаких оснований перечёркивать или искажать совокупный исторический опыт сразу нескольких поколений, более того, – целой эпохи. В действительности в недавнем прошлом духовности, в том числе, любви и взаимопонимания на уровне межчеловеческих отношений было не меньше, а то и больше, чем сейчас. Во всяком случае, проблемы низкого уровня духовности, нравственной деградации не могут быть решены одним религиозным способом. В целом должна быть возрождена воспитательная составляющая образования.

Но и применительно к этой сфере просматриваются попытки утвердить прежнюю монополию на истину. Так, образование, по мнению РПЦ, «... должно включать в себя преподавание знаний о религии, создавшей ту культуру, в которой человек живёт».¹⁶ Конечно, православие занимает видное место в отечественной культуре, однако создавалась она не только на религиозной основе. Представители же научно-образовательного сообщества вполне оправданно выступают за светский характер образования.

Нельзя не отметить и то, что православные иерархи отличаются, к примеру, от протестантов, которые, отрицая посредническую роль церкви, по крайней мере, декларируют поиск истины каждым. Актуальна также мысль Л.Н. Толстого, высказанная им в «Крейцеровой

15 Там же. С. 37.

16 См.: Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека (<http://www.mospat.ru/ru/documents/dignity-freedom-rights/iv/>).

сонате»: христианские ценности – это своего рода компас. Церковью же они подчас используются в качестве прямого указателя и контролёра. Одно дело – терпеливое обоснование и последовательная реализация подлинных ценностей; совсем другое, – простое их навязывание.

Симптоматична позиция Славянского правового центра, высказанная по результатам X Всемирного Русского Народного Собора: «Отрицаю европейские нормы жизни, международные акты о необходимости соблюдения прав человека и свободы совести, авторы «православной концепции» ... «искушают» государственную машину, которая практически готова сделать православие инструментом идеологического давления ...».¹⁷ Хочется верить, что в такой оценке имеет место «сгущение красок». В действительности картина иная, более обнадеживающая с точки зрения перспектив национального и международного диалога.

Так, утверждая, что принцип свободы совести является показателем духовной деградации, РПЦ одновременно признаёт его полезность для выживания церкви в безрелигиозном мире, ибо он позволяет установить должный гражданский статус перед лицом светского государства, инаковерующих или неверующих слоев общества. Налицо явный шаг вперёд по направлению сотрудничества между всеми заинтересованными в духовно-нравственном обновлении общества силами.

Интересно, что в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (раздел IV «Христианская этика и светское право») имеется прямое обращение к идеям В.С. Соловьева, который теоретически обосновывал идею о том, что право есть минимум нравственности. «Задача права, – писал он, – не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он не превратился в ад».¹⁸ Налицо глубокий, по существу философский взгляд на проблему.

17 См.: <http://jesushrist.ru/news/2006/04/10/10440>.

18 Соловьев В.С. Право и нравственность. – Мн., 2001. С. 42.

Важно, чтобы под угрозой не оказалось и равенство прав и свобод человека и гражданина в аспекте убеждений (Конституция РФ, ст. 19). Н.А. Бердяев считал, что «... русская мысль стремиться к целостности и делает это более последовательно и радикально, чем романтики ... Целостность христианского Востока противопоставляется рационалистической раздробленности и рассеченности Запада».¹⁹ Философ-идеалист в известном смысле предостерегает от любого рода крайностей.

Сейчас мы нуждаемся именно в единении, но его нельзя утвердить посредством противопоставления верующих неверующим. Показательной в этом плане выглядела недавняя ситуация в Восточной Германии, где «синоды евангелических церквей земель и синод союза евангелических церквей ... были практически единственными органами, в которых учились искусству дебатов, упражнялись и знакомились с парламентскими правилами и положениями». Ссылаясь на Кальвина, Й. Гертнер справедливо утверждает, что власть обязана хранить свободу.²⁰ И в настоящее время нужна совместная терпеливая работа в русле культивирования свободы.

Своеобразным ключом к решению проблемы прав человека призван стать принцип единства нравственности и свободы на личностном уровне. Подобно тому, как в глазах верующего, согласно Д. Локку, Бог говорит напрямую с каждым и никакая человеческая власть не уполномочена объявлять одну интерпретацию авторитетнее другой²¹, человек как личность напрямую устанавливает связи с другим человеком и обществом. Только в таком случае можно говорить об ответственности как оборотной стороне свободы и своеобразном стержне личностного бытия. Это касается и

19 Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. С. 24.

20 Гертнер Йоахим. Евангелическая церковь и демократия//Актуальные проблемы публичного права в Германии и России. – М., 2011. С. 91, 113.

21 См.: Locke J. Two Treatises of Government/Ed. Peter Laslett. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 173.

нравственного, и политического, и правового уровней жизни социума. Нельзя, разумеется, не учитывать особенности культурного стержня каждой страны. Русская культура, к примеру, всегда вращалась вокруг человека, органично связанного с «общей жизнью» или Родиной (А.Ф. Лосев²²), с интересами целого – столь же родного, как и собственное «Я».

Свобода не противостоит нравственности (морали), а органично присутствует в ней в качестве её высшего проявления. И, наоборот, подлинность свободы гарантируются нравственным её измерением.²³ Данный подход можно рассматривать в русле поисков «точек пересечения» между философией гуманизма (светской линией) и собственно религиозным пониманием проблем человека и его прав. В равной мере это относится и к Западу, и к Востоку. Являясь составными частями современного мира, соответствующие церкви должны вести конструктивный диалог, сотрудничать в русле обеспечения условий для духовно насыщенной и морально оправданной жизни всех граждан, вне зависимости от их мировоззренческих убеждений. Сила юридической защиты прав человека в принципе прямо пропорциональна мощи собственно нравственного фундамента социума.

Именно подлинная свобода только и может стать основой целостности и единения. Важнейшим признаком такой свободы является внутренняя связь с нравственностью. Сегодня как никогда нужен светский, нейтральный нравственно-философский взгляд на происходящее. Спасительной в условиях острых идеологических противоречий и дефицита духовности призвана стать ноосфера (В.И. Вернадский)²⁴, ориентированная на высокий социальный идеал и добро. Важно учиты-

22 См.: Лосев А.Ф. Родина//Русский индивидуализм. Сборник работ русских философов XIX–XX веков. – М., 2007. С. 259.

23 Подробнее об этом: Артемов В.М. Нравственность и свобода. – М., 2007.

24 См., например: Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М., 1989.

вать также, что в современной социальной и философской антропологии произошёл поворот к внутренним измерениям человеческого бытия. Это существенным образом сближает верующих и неверующих людей, заинтересованных в единении на основе добра и взаимопомощи.

Тезисы

Актуализация и значимость проблемы прав человека в известном смысле сближают Восток и Запад, хотя имеются различные, даже противоположные подходы в понимании и объяснении основ последних. Свои варианты решения проблемы предлагают и соответствующие церкви (на Западе – это, прежде всего, католическая церковь и протестантские религиозные организации; в России – Русская Православная Церковь), традиционно претендующие на монополию в духовном служении верующим, а через них всему обществу и государству. Они играют своеобразную роль медиатора в плане согласования интересов различных социальных групп и отдельных личностей в социуме.

Диалог между представителями западной и православной религиозных традиций особенно активизировался после принятия «Основ социальной концепции РПЦ» (2000) и «Основ учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека» (2008). Несмотря на общий примирительный тон, налицо достаточно существенные расхождения как собственно религиозного, так и философского свойства. «Сообщество евангелических церквей Европы», прямо указывая на «двусмысленность понятия о правах человека» в позиции РПЦ, полагает, что последняя претендует на «исключительное право богословского обоснования», вместо того, чтобы «все-речь воспринять секулярный характер прав человека».²⁵ Имеются и важные точки соприкосновения. Об этом

25 См.: bogoslav.ru/text/477777.html.

свидетельствует совместное православно-лютеранское коммюнике 2008 года, в котором возобладала следующая точка зрения. В основе Декларации прав человека «заложена идея, что права человека не могут быть абсолютной мерой, а должны согласовываться с рядом параметров».²⁶

В целом можно согласиться с таким положением «Основ учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека»: «Общественная ценность и эффективность всей системы прав человека зависят от того, насколько она создает условия для возрастания личности ... в достоинстве и сопрягается с ответственностью человека за свои поступки ...».²⁷ Здесь просматриваются укорененные в русской культуре и философии практически-нравственная ориентация и линия на максимальное сближение нравственности (морали) и свободы. Отрицается сугубо внешнее понимание свободы, согласно которому всё сводится к гарантиям со стороны правовых институтов государства.

Проблему прав человека можно ставить и решать только на базе высокой нравственности. В православии человек вполне человек, если он «пропитан» Святым Духом, а в католицизме личность есть отношение. Е.Н. Трубецкой пишет: «Христос сочетается с человечеством непосредственно ... Осуществление предвечного божественного замысла для твари, существующей и развивающейся во времени, не есть роковая необходимость, а призвание, которое она может исполнить или не исполнить».²⁸ В центре внимания находятся внутренние качества человека. Данные изначально высшей духовной силой, они требуют постоянного культивирования.

Идея соборности, выдвинутая и обоснованная славянофилом А.С. Хомяковым, предполагает приоритет целого над частями. Речь идёт о таком целом, кото-

26 Митрополит КИРИЛЛ. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. М., 2008. С. 176.

27 См.: <http://www.mospat.ru/ru/documents/dignity-freedom-rights/iv/>.

28 Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2000. С. 155, 159.

рое внутренним образом обеспечивает устойчивую сохранность части (личности), даёт ей жизнь, духовно-нравственную силу, подпитывает достоинство. Западный же вариант решения проблемы исходит из того, что цельность и благополучие общества гарантируется самой по себе реализацией прав человека.

Диалогу мешают элементы религиозного высокомерия по отношению к тем, кто имеет иные, даже гуманистические взгляды. На Западе подобные претензии встречают оправданное сопротивление. К примеру, ссылаясь на «Этику» Б. Спинозы, У. Эко подчёркивает, что хотя «... спинозовское божество ... не трансцендентно и не лично ... из представления о великой и единой космической субстанции ... родится представление о терпимости и благожелательности ...».²⁹ Возврат в «новое» средневековье был бы губителен для всех. В реальности же усиливаются попытки различных религиозных организаций навязать общественному мнению и государству своё понимание актуальных проблем современности.

В этой ситуации спасителен принцип свободы совести. В ныне действующей Конституции РФ (статья 14) утверждается: «1. РФ – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».³⁰ Имеется явная и в целом оправданная преемственность по отношению к подобным политико-правовым документам, принятым в нашей стране в советский период. Нет никаких оснований перечёркивать или искажать совокупный исторический опыт сразу нескольких поколений, более того, – целой эпохи.

Однако имеются попытки утвердить прежнюю монополию на истину не только относительно веры, но и применительно к политике, праву, образованию. По

29 Эко, Умберто. Пять эссе на темы этики. СПб., 2007. С. 20–21.

30 Конституция Российской Федерации. Официальное издание, 2008. С. 12.

мнению РПЦ, последнее должно включать в себя преподавание знаний о религии, создавшей ту культуру, в которой человек живёт. Протестанты же декларируют поиск истины каждым. Научно-образовательное сообщество последовательно выступает за светский характер образования.

Сама РПЦ, утверждая, что принцип свободы совести является показателем духовной деградации, одновременно признаёт его полезность для выживания церкви в безрелигиозном мире, ибо он позволяет установить должный гражданский статус перед лицом светского государства, инаковерующих или неверующих слоев общества. Это уже шаг вперёд.

Важно, чтобы под угрозой не оказалось и равенство прав и свобод человека и гражданина в аспекте убеждений (Конституция РФ, ст. 19). Сейчас мы нуждаемся именно в единении, но его нельзя утвердить посредством противопоставления верующих неверующим. Показательной в этом плане выглядела недавняя ситуация в Восточной Германии, где «синоды евангелических церквей земель и синод союза евангелических церквей ... были практически единственными органами, в которых учились искусству дебатов, упражнялись и знакомились с парламентскими правилами и положениями». Й. Гертнер утверждает, что власть обязана хранить свободу.³¹

Своеобразным ключом к решению проблемы призван стать принцип единства нравственности и свободы на личностном уровне. Подобно тому, как в глазах верующего, согласно Д. Локку, Бог говорит напрямую с каждым и никакая человеческая власть не уполномочена объявлять одну интерпретацию авторитетнее другой,³² человек как личность напрямую устанавливает связи с

31 Гертнер Йоахим. Евангелическая церковь и демократия // Актуальные проблемы публичного права в Германии и России. М., 2011. С. 91, 113.

32 См.: Locke J. Two Treatises of Government/ Ed. Peter Laslett. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P.173.

другим человеком и обществом. Только в таком случае можно говорить об ответственности.

Свобода не противостоит нравственности (морали), а органично присутствует в ней в качестве условия и высшего проявления. И, наоборот, подлинность свободы обеспечивается нравственным её измерением.³³ Данный подход весьма перспективен в русле поисков «точек пересечения» между философией гуманизма (светской линией) и собственно церковно-религиозным пониманием проблем человека и его прав. В равной мере это относится и к Западу, и к Востоку. Являясь составными частями современного мира, соответствующие церкви должны вести конструктивный диалог, сотрудничать в деле духовно-нравственного оздоровления всех граждан, вне зависимости от их мировоззренческих убеждений. В целом сила юридической защиты прав человека прямо пропорциональна мощи собственно нравственного фундамента социума. Соглашаясь с этим, а, главное, действуя в данном направлении, мы практически разрешаем противоречие между моралью и свободой.

33 Подробнее об этом: Артемов В.М. Нравственность и свобода. М., 2007.